

— Медицинские расходы? Ты что, подачку нищему бросаешь? Директор, учитель Чжао, вы держите в школе этого изгоя и не боитесь, что однажды он убьет или подожжет что-нибудь, а отвечать придется вам? Мой сын здесь больше не останется, оформляйте документы на перевод немедленно! Но прежде я требую его исключить!

— Черт, — тихо выругался Сюй Шанлу, схватил родителя за воротник и мрачно процедил: — Ты, мать твою, жить надоело?

— Отпусти! — прикрикнул на него Лян Цзянь.

Сюй Шанлу вздрогнул, повернул голову, уголки его губ опустились, а в глазах промелькнула обида. Ведь он ввязался в эту драку ради Лян Цзяня, а тот даже не оценил и еще кричит на него.

Лян Цзянь глубоко вздохнул:

— Ты хочешь драться прямо в кабинете, на глазах у стольких людей? Сюй Шанлу, ты ведешь себя слишком своевольно и безрассудно!

У Сюй Шанлу зашипало в глазах. Лян Цзянь стоял совсем рядом, глядя на него строгим, отчужденным взглядом. Всего несколько шагов, но между ними словно пролегла непреодолимая пропасть. Сюй Шанлу разжал руки, отпуская перепуганного родителя, и ярость сменилась глубоким чувством бессилия. Он дернул уголок рта, выдавив горькую усмешку.

— Чжао Лян Цзянь, ты просто... — голос перехватило, и он не смог договорить.

Я вчера не должен был заступаться за тебя, лучше бы позволил тем трем отбросам вылить мочу тебе в кружку! Тебе ведь все равно, не так ли? Ты ненавидишь меня, и все, что бы я ни сделал, вызывает у тебя только раздражение.

Сюй Шанлу направился к выходу, бросив через плечо:

— Хорошо, ты не хочешь меня видеть? Я уйду из школы, так пойдет?

Сказав это, он почувствовал, как силы окончательно покинули его. Быть непонятым и обвиненным тем, кто тебе дорог... это невыносимо.

Лян Цзянь преградил ему путь. Он увидел, что уголки глаз Сюй Шанлу покраснели, словно тот изо всех сил сдерживал слезы, и почувствовал недоумение.

— Кто сказал, что ты должен уходить из школы?

Он просто хотел отчитать парня за драку в кабинете директора, так что это за обиженный вид

преданного человека?

Сюй Шанлу смахнул его руку:

— Учитель, разве не этого вы хотели? Когда меня не будет перед глазами, вам станет спокойнее.

Он не хотел говорить эти язвительные слова, но смесь обиды и гнева заставила его потерять контроль. Он словно облачился в доспехи из шипов — не только другим стало трудно подойти, но и сам он изранился в кровь. С каких пор Лян Цзянь занял в его сердце столь важное место? Даже малейшее проявление холодности или неприязни ранило его, словно отравленная стрела.

Лян Цзянь поджал губы:

— Бегство не решит проблему. Думаю, мне пора поговорить с твоими родителями.

Главное оружие учителя — вызов родителей в школу. Хотя Сюй Шанлу был школьным хулиганом, эта перспектива его пугала, и он погнался за Лян Цзянем:

— Учитель, мой отец в зарубежной командировке.

— Тогда позови свою мать, — невозмутимо ответил Лян Цзянь.

— Моя мама... — Сюй Шанлу на мгновение замолчал, его взгляд потемнел. — У нее больные ноги, ей тяжело передвигаться.

Лян Цзянь помедлил, затем повернулся и четко произнес:

— Тогда я сам ее навещу.

Сюй Шанлу открыл рот, желая отказаться, но слова так и не сорвались с языка.

Когда Лян Цзянь встретил мать Сюй, она сидела под деревом софоры в жилом квартале и молча наблюдала за бегущими и смеющимися детьми. Закатное небо пылало красками, зелень деревьев дарила тень, пожилые люди собирались группами, обсуждая домашние дела, а жители, поужинав, вышли на прогулку. Она сидела в инвалидном кресле, выражение ее лица было безразличным и спокойным. Шумная жизнь проходила мимо, а ее окутывало густое, неразрывное одиночество.

Лян Цзянь невольно посмотрел на стоявшего рядом Сюй Шанлу. Сейчас красивый юноша опустил взгляд, его высокий нос, плотно сжатые губы и напряженная линия челюсти выдавали

ту же унаследованную тоску. Словно срывая окровавленную повязку с застарелой раны, Сюй Шанлу повернул голову и, вложив в это все силы, нежно посмотрел на него.

Один взгляд — как целая вечность.

— Учитель, это моя мама, — его голос дрожал, а взгляд казался невероятно хрупким.

Лян Цзянь впервые видел его таким. Он собирался серьезно обсудить с матерью Сюй вопросы воспитания, но невольно смягчился.

— Здравствуйте, я классный руководитель Сюй Шанлу, моя фамилия Чжао, — он взял Сюй Шанлу под руку и уверенно подошел к женщине. — В последнее время он показывает хорошие результаты в школе, я хотел бы перенять у вас опыт.

Мать Сюй удивленно подняла глаза. Сюй Шанлу тоже озадаченно посмотрел на Лян Цзяня, а затем его взгляд упал на пальцы учителя, лежащие на его локте, и уши парня мгновенно покраснели.

Сюй Шанлу катил кресло, Лян Цзянь шел рядом, и вдвоем они прогуливались по парку, пока Лян Цзянь расспрашивал о жизни Сюй Шанлу.

— Сяо Лу уже почти месяц меня не навещал. Виновата я, в тот день он собирался прийти, но я пошла на свидание вслепую, вот он и обиделся. Если бы не вы, учитель, не знаю, сколько бы он еще дулся! — мать Сюй улыбалась, беседуя с Лян Цзянем.

Сюй Шанлу беспомощно позвал:

— Мама...

— Что такое? Я ведь одинокая старуха, неужели ты не дашь мне и слова сказать? — кокетливо отозвалась мать Сюй, и в этот момент она стала похожа на юную девушку.

Заметив пыливый взгляд Лян Цзяня, Сюй Шанлу оправдался:

— Я видел того кандидата, он старый, уродливый и скучный, совсем тебе не подходит. Ты должна выбирать, за кого выходить замуж!

— Да кто меня такую выберет! — горько усмехнулась она, глядя на свои ноги. — Я ведь калека.

Лян Цзянь воспользовался моментом:

— Тетушка, а что с вашими ногами...

Мать Сюй вздохнула:

— Расплата за грехи молодости. Когда Сяо Лу было десять, он сильно заболел, денег не было, и я пошла просить у его родного отца. В итоге его охранники избили меня палками. Я была так разъярена, что выбросилась из окна, так и сломала ноги. Конечно, его отец, движимый совестью или желанием заткнуть мне рот, дал денег на лечение, так мы и выжили.

Она говорила об этом с показным равнодушием, но у Лян Цзяня сердце сжалось от ужаса. Сюй Шанлу неловко отвел взгляд. Лян Цзянь осторожно похлопал его по руке, лежащей на ручке кресла, в знак поддержки. Сюй Шанлу удивленно посмотрел на него, и спокойное, мягкое лицо учителя помогло его ноющей боли утихнуть.

Мать Сюй продолжала:

— Учитель Чжао, вы так добры к Сяо Лу. Хотя он и считается молодым господином семьи Сюй, с детства привык к лишениям, и лишь повзрослев, вернулся в семью. У него скверный характер, это правда, и ума иногда не хватает — тоже правда, но он добрый ребенок.

Лян Цзянь кивнул.

— Больше всего я виновата перед ним в том, что когда-то один мужчина предложил мне выйти замуж, если я оставлю Сяо Лу семье Сюй. Я согласилась. Но потом мы развелись.

Она помолчала:

— Это возмездие. Теперь у меня нет ни сына, ни дома. И мой Сяо Лу больше не тянется ко мне.

Лян Цзянь невольно взглянул на лицо Сюй Шанлу: на его ресницах дрожала прозрачная капля. Он прошептал так, что слышал только Лян Цзянь:

— ...У меня тоже больше нет дома.

Лян Цзянь поужинал у матери Сюй и еще немного поговорил об учебе. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что взгляд матери Сюй какой-то странный — слишком уж доверительный, да и темы разговора стали слишком личными.

— У учителя Чжао есть девушка?

— Учитель Чжао планирует искать пару?

— Пожалуйста, присмотрите за Сяо Лу.

Услышав это, Лян Цзянь наконец осознал: это не отношение родителя к учителю, это допрос

тещи, выбирающей зятя! Он вздрогнул, гадая, как она могла догадаться. Он посмотрел на Сюй Шанлу, а тот стоял рядом, красный как рак, и молчал.

Лян Цзянь не решился оставаться дольше и собрался уходить, но мать Сюй улыбнулась и указала на окно:

— Дождь такой сильный, разве можно идти?

Неизвестно когда, но за окном разразился ливень, в черной ночи огни соседних домов расплывались в тумане. Лян Цзянь замер. Идти в такой дождь — даже с зонтом и в плаще промокнешь до нитки.

Мать Сюй мягко предложила:

— Учитель Чжао, оставайтесь сегодня у нас, заодно подтянете Сяо Лу в учебе, побеседуете.

Она пристально смотрела ему в глаза, словно пытаясь что-то в них прочесть. Лян Цзянь, обычно острый на язык, почувствовал себя неловко:

— Это не совсем удобно...

Мать Сюй покачала головой и многозначительно взглянула на него:

— Мало ли что скажут другие. Я спать.

Она ушла в спальню и закрыла дверь, оставив Лян Цзяня и Сюй Шанлу в гостиной. Лян Цзянь смотрел на закрытую дверь, когда Сюй Шанлу хмуро сказал:

— Учитель, вы спите в моей комнате, а я на диване.

Лян Цзянь не ответил. Поразмыслив, он успокоился и спросил:

— Сюй Шанлу, скажи честно, ты признался матери в своей ориентации?

— Что? — Сюй Шанлу вытаращил глаза от шока. — Признался? Я не...

Он хотел сказать, что он не гей, но в голове тут же всплыл образ полураздетого Лян Цзяня, щеки обожгло, и слова застряли в горле. Слегка кашлянув, он добавил:

— Я никогда не обсуждал с ней тебя.

— Тогда почему у нее такое двусмысленное отношение... — пробормотал Лян Цзянь, чувствуя, как в голове складывается ясная догадка.

Лян Цзянь зашел в комнату, где когда-то жил Сюй Шанлу, сел на кровать и увидел, как тот достает из шкафа тонкое одеяло. Сюй Шанлу собирался уходить, но Лян Цзянь его окликнул:

— Ночью холодно, ложись на кровать, — Лян Цзянь, укрывшись одеялом, прижался к стене.

Сюй Шанлу замер. В его взгляде читалось изумление, недоверие и капля восторга.

— Учитель... — тихо начал он, а потом, словно что-то вспомнив, сменил обращение: — Лян Цзянь. Ты простил меня?

— Иди сюда, — сухо сказал Лян Цзянь.

Сюй Шанлу без колебаний подошел к кровати, опустился на колени и подался вперед. Лян Цзянь обнял его за шею.

— Сюй Шанлу, — Лян Цзянь небрежно поцеловал его в челюсть, — кажется, твоя мама поняла, что нас связывает.

Сюй Шанлу выдохнул, глядя на него темными глазами:

— Что нас связывает?

Его сердце бешено колотилось, он вдыхал аромат шампуня от волос Лян Цзяня, а в голове царил хаос. Чего он ждал? Сюй Шанлу вспомнил их первую ночь, когда Лян Цзянь холодно сказал, что они лишь любовники в постели и учитель с учеником в жизни. Тогда он был в ярости. Поэтому и совершил ту глупость в кабинете — словно пытаюсь что-то доказать.

Сюй Шанлу боялся увидеть выражение лица Лян Цзяня, эти несколько секунд тишины тянулись бесконечно. Он ждал приговора — оправдания или смертной казни.

Лян Цзянь наклонился к уху Сюй Шанлу и прошептал:

— Я люблю тебя.

Сюй Шанлу замер, словно его парализовало. Лян Цзянь не удержался и рассмеялся, похлопав его по щеке:

— Ты что, такой невинный?

Сюй Шанлу моргнул, осознал сказанное и вдруг крепко прижал его к себе, зарывшись носом в плечо. Лян Цзянь терпеливо гладил его по волосам. Через некоторое время раздался

приглушенный голос Сюй Шанлу:

— Почему ты тогда сказал, что мы просто любовники?

Лян Цзянь вздохнул:

— Потому что я злился на тебя. Разве моих чувств было недостаточно? А ты пошел в клуб проверять свою ориентацию, и когда я тебя сломал, ты не смог это принять? Как я мог не злиться, когда ты так от меня отталкивался?

Сюй Шанлу долго молчал. Лян Цзянь прищурился, он начал клевать носом. Вдруг на шею упала горячая капля, потом еще одна. Он приподнял голову Сюй Шанлу и увидел, что тот крепко зажмурился, а слезы текут ручьем. Он выглядел таким жалким.

Лян Цзянь впал в ступор, пытаясь понять, что именно он сказал не так. Сюй Шанлу всхлипнул, вытер слезы и, опустив голову, пробормотал:

— Прости.

— Ничего, — Лян Цзянь проявил понимание. — Все в прошлом.

Какой же он понимающий! В ушах раздался долгожданный сигнал системы: [Уровень симпатии объекта: 60.] Лян Цзянь улыбнулся, настроение заметно улучшилось. Похоже, скоро он заполнит шкалу симпатии до максимума.

Сюй Шанлу продолжал прижиматься к его плечу, и Лян Цзянь почувствовал нечто твердое, упирающееся ему в бедро. Он повернулся и увидел, что Сюй Шанлу смотрит на него невинно, но в глубине глаз таится жар. У Лян Цзяня дернулся глаз. Как можно плакать и одновременно возбуждаться? У молодых людей просто пугающий запас энергии!

— Неплохо сдал. Ваш классный руководитель в этом году довольно способный, надо бы пригласить его на ужин, — Сюй Юань швырнул табель на стол.

Сюй Шанлу поднял взгляд на отца. Сюй Юань отсутствовал почти полгода, Сюй Шанлу почти забыл, как он выглядит. С тех пор как он переехал в дом семьи Сюй, он видел его всего пару раз, и к этому чужому человеку Сюй Шанлу всегда относился с опаской. Он жевал еду, которая казалась безвкусной. Повар готовил слишком жирно, как нравилось Сюй Юаню, а Сюй Шанлу предпочитал легкую пищу. Но в этом доме его предпочтения ничего не значили.

— М-м, — лениво отозвался Сюй Шанлу.

Отношения с Лян Цзянем можно было не скрывать перед матерью, но перед отцом

приходилось быть предельно осторожным. Если Сюй Юань узнает, что у него парень, да еще и учитель, он точно переломает ему ноги.

Сюй Юань привык к холодности сына и не обращал внимания:

— Как успехи в английском? Скоро поедешь за границу, выучишься на бизнесмена, вернешься и возглавишь компанию. В какой университет хочешь?

Рука с палочками замерла. Спустя долгое время Сюй Шанлу холодно ответил:

— Я не хочу уезжать.

Атмосфера стала тяжелой и тихой. Сюй Юань смотрел на него с любопытством и легким недовольством. Сдерживая гнев, он спросил:

— А чего ты хочешь?

— Изучать компьютерные технологии, открыть свое дело.

Не успел он договорить, как Сюй Юань позеленел от ярости и с грохотом бросил палочки на стол. Сюй Шанлу холодно встретил его взгляд.

— Шанлу, ты знаешь, почему я признал тебя сыном? Потому что в тебе течет моя кровь, и ты должен следовать моим планам, — Сюй Юань гневно смотрел на него. — Иначе ты ничего не стоишь! Ты мой единственный сын, ты обязан поднять семейное дело, понял?

Сюй Шанлу молча продолжал есть, не поднимая глаз.

Я понимаю, отец. Но я не хочу этого делать.

Сюй Шанлу сидел за столом, оставаясь безучастным к яростным упрекам отца. Видимо, его непробиваемость лишила Сюй Юаня возможности продолжать, и, ответив на звонок ассистента, тот, даже не взглянув на сына, поспешно ушел.

Сюй Шанлу достал телефон и отправил сообщение:

— Учитель, вы дома?

Ответ пришел почти мгновенно:

— Да. — Лян Цзянь возился на кухне, одной рукой переворачивая яичницу, другой печатая ответ: — Что-то случилось?

— Хочу прийти.

В сообщении не было интонации, но Лян Цзянь не придавал этому значения:

— Хорошо. Оставить тебе ужин?

— Не нужно. Я уже иду.

Разговор как у старых супругов. Лян Цзянь перечитал переписку и тихо усмехнулся. После того как они открылись друг другу, их отношения стали напоминать романтические. Почему «напоминать»? Потому что чего-то все же не хватало.

Они были словно ряска на воде или опавшие листья в осеннем ветру. Лян Цзянь первым протянул руку, и Сюй Шанлу неуверенно уцепился за него. Только в постели Лян Цзянь чувствовал его пылкую страсть. Вне спальни Сюй Шанлу зависел от него не меньше, чем младенец от матери. Это была не зрелая любовь, а скорее привязанность птенца.

Мир Сюй Шанлу был пуст: холодный отец, отстраненная мать, непонимание самого себя. Лян Цзянь стал лучом света, озарившим его небо, и в момент, когда этот свет ослепил его, Сюй Шанлу ощутил жажду обладания. Он слишком нуждался в любви, поэтому не мог выносить недосказанности и должен был подтверждать эти отношения снова и снова.

Лян Цзянь дал Сюй Шанлу ключи от своей квартиры. Услышав звук двери, он обернулся, и Сюй Шанлу тут же бросился к нему в объятия.

— Не веди себя как хаски, — Лян Цзянь похлопал его по спине, не зная, плакать или смеяться.

— Мы же видимся каждый день, тебе мало?

Сюй Шанлу зарылся лицом в его плечо — он любил эту позу — и прошептал:

— Я хочу жить с тобой.

Лян Цзянь опешил. Что происходит? Прогресс слишком быстрый! Они вместе меньше недели.

Сюй Шанлу настойчиво потерся щекой о его лицо:

— Я могу переехать?

Лян Цзянь почувствовал неладное. По своему характеру, если он не был в чем-то уверен на сто процентов, то предпочитал вежливо отказать. Сюй Шанлу, кажется, не ожидал вопроса, его лицо застыло, и он опустил глаза:

— Я просто хочу быть ближе. Если ты против, забудь.

— Ты ведь живешь у отца, он не знает о моем существовании. Если мы будем жить вместе, как ты ему это объяснишь? — Лян Цзянь задумался.

Сюй Шанлу усмехнулся:

— Ему плевать, где я живу. Лишь бы я не ходил к матери. Для него нет разницы, живу ли я в отеле или сплю под мостом.

Он презрительно фыркнул, в его глазах читалось полное пренебрежение к человеку, которого называли отцом:

— Его волнует только то, чтобы его ДНК продолжала существовать, а кто я такой — неважно.

Лян Цзянь почувствовал, как в горле встал ком, и налил себе воды. Сюй Шанлу стоял напротив, жадно глядя на него. Лян Цзянь чувствовал себя как спасательный круг для утопающего или последний глоток воды для путника в пустыне.

<http://bllate.org/book/21563/2220092>